

АНАСТАСИЯ МУРАВЬЕВА

ТРЕПАНАЦИЯ

16+

Анастасия Муравьева

Трепанация

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Муравьева А.

Трепанация / А. Муравьева — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Это не фэнтэзи и не ужасы. Просто история про начальника (пусть и очень большого начальника), его жену и секретаршу. Хотя история по-своему ужасная.

Анастасия Муравьева

Трепанация

Я уговариваю себя, что в трепанации нет ничего страшного. Не сложнее, чем открыть банку консервов – нужно подцепить ножом, а потом осторожно потянуть, и крышка отойдет сама, оцарапав ладонь зазубренными краями. Это не труднее, чем расколоть гнилой орех – грязи, конечно, будет больше, вывалится всякая труха, но где наша не пропадала.

Жена успокаивает меня, держа за руку. Ладонь у нее прохладная, будто созданная для того, чтобы прикладывать к воспаленному лбу, снимая жар. Но у меня нет никакого жара, я просто боюсь, боюсь до дрожи.

– Ты просто уснешь, а когда проснешься – все будет кончено, – говорит жена.

Лучше бы она сказала: «Все будет хорошо». Но она никогда не умела утешать, вечно ляпнет не то. Поэтому я перестал брать ее с собой – сначала на встречи, потом в поездки, и наконец, в постель. Наверное, отлучение стоило провести в обратном порядке, но что сделано – то сделано.

Ей легко говорить, это ведь не ее череп вскроют скальпелем или козьей ножкой. Не у ее постели столпились хирурги. Почему их так много? Ах да, им нужно разделить ответственность. Даже у капельницы дежурят двое. Зачем двое? На случай если один отвернется, зазевается, умрет от сердечного приступа?

Их лица спрятаны под масками, а глаза как пустые щели. Врачам не положено сочувствовать. Не хватало еще жалеть каждого, кого сейчас разрежешь сверху донизу, как расстегивают комбинезон. Добряки не идут в хирурги. Хирургами становятся волевые, безжалостные и решительные люди – такие как я. Я слышал, среди них попадают психопаты. Они так удовлетворяют жажду к насилию.

Сейчас кто-то из них снимет с меня скальп, но я буду спать и ничего не почувствую. Мои мысли из вскрытой черепушки разлетятся по операционной. Да, горькое разочарование – прожить жизнь, а потом увидеть, как над твоей головой роятся стаи мух. Я прищуриваюсь и с облегчением различаю среди мух нескольких бабочек. Одна садится, сложив крылышки, над мойкой, в которую ударяет струя воды, смывая подтеки крови, вторая на железную каталку без простыни, сюда кладут тех, кому простынь не нужна. Потом их сунут в железный сейф, выпотрошенных и наспех зашитых, надеюсь, меня среди них не будет.

Что это я все – надеюсь, надеюсь? Глупое слово для слабаков. Надеюсь, важные мысли не разлетятся из головы, а то их будет не собрать. Мухи заводятся сами, чуть только запахнет гнильцой, а вот бабочки... Жалко, если они улетят.

Скосив глаза, я вижу, что на мою каталку постелена простынка, это отличный знак, значит, со мной все хорошо, трепанация проходит успешно. Но не говори гоп, пока не перепрыгнешь. Хирурги еще склонились надо мной, но каталочка с простынкой ждет, меня не обманешь, судьба подкатила ее к операционному столу, пнув ножкой – теперь не отвертитесь. Если бы мог, я потер бы руки от удовольствия, но удовлетворяюсь тем, что подмигиваю хирургам, среди которых точно есть один психопат, я где-то читал, что каждый десятый. А их, пожалуй, больше десяти, но я не возражаю, пусть и психопат получит удовольствие. Не зря же мы оба пришли сюда – я испустить стаи зловонных мух, а он постоять у операционного стола, облизываясь, как собака, которой бросят кость, или в моем случае, мозги – свежие, с кровью.

Говорят, на смертном одре человек думает о чем-то возвышенном. Я думаю о ерунде, значит, до смерти мне далеко. Я думаю о любовнице. Я ее так и называю – любовница, а что еще о ней сказать? Я начальник, она секретарша, вы скажете – пошло? Да, наверное. Она была не очень-то разговорчива, а я не расспрашивал, поэтому она осталась безымянной. Любовницам не говорят про нелады со здоровьем, особенно с мозгами, и я не рассказал. Она знает, что

я в больнице, вот и все – а я, застряв между жизнью и смертью, думаю о ней. Если бы не она, из моего сгнившего черепа вылетели бы только мухи, бабочки – ее заслуга.

В углу стоит хранитель в очочках (они поблескивают, они всегда блестели, это меня ужасно раздражало, я велел их снять, сделать операцию, поставить линзы, все что угодно, лишь бы не сверкать стеклышками), но он не послушался. Он знает, что я не могу пошевелиться, и снова нацепил треклятые очки. Держит в руках чемоданчик, мой символ веры, жезл и скипетр. Когда трепанация закончится, мне нахлобучат отпиленную крышку черепа, приладив по краям, я спущу ноги с операционного стола и возьму этот чемодан твердой рукой. Если буду помнить, зачем он нужен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.